

И. М. Снегирев

**Лубочные картинки русского
народа в московском мире**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. М. Снегирев**
Лубочные картинки русского народа в московском мире / И. М. Снегирев – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 140 с.

ISBN 978-5-458-01861-6

ISBN 978-5-458-01861-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ковскій и Сумароковъ, *подлыми*, а лубочныхъ картинокъ и сказокъ, какъ князь Кантемиръ и издатель его сатиръ Барковъ, *негодными и гнусными*.⁵ До того чуждалась своей народности литература наша, увлеченная подражаніемъ Французской! И многіе писатели и художники конца XVIII, даже начала XIX вѣка, смотря только на одну грубую внѣшность такихъ произведеній простонароднаго художества и писменности, не иначе отзывались объ нихъ, какъ съ насмѣшкою и презрѣніемъ. Между тѣмъ въ западной Европѣ подобныя произведенія (*litterature de colportage, les livres populaires, Völk-bücher, einfache billige Bilderbogen, common pictures*), становились предметомъ ученыхъ изслѣдованій, и въ Россіи смысленный иностранецъ, издатель анекдотовъ о Петрѣ I, Профессоръ Аллегоріи Штелинь обратилъ свое вниманіе на Московскія лубочныя картинки (повидимому, какъ на *куріозности*, безъ дальнѣйшихъ соображеній). Въ 1760 году онъ составилъ довольно полное ихъ собраніе, которое, какъ увидимъ далѣе, поступило въ Императорскую Публичную Библиотеку. Изъ Русскихъ также появились собиратели такихъ народныхъ куріозностей.

Въ *куріозностяхъ* природы и художества тогда любителямъ ихъ представлялась одна только внѣшность безъ отношенія къ внутреннему значенію и цѣли; слѣдственно возрѣніе ихъ ограничивалось одними внѣшними, случайными признаками, не касаясь внутреннихъ, существенныхъ. Въ такихъ предметахъ для подобныхъ любителей казалось занимательнымъ и любопытнымъ одно только странное и нелѣпое, забавное и каррикатурное, особливо если оно еще было и рѣдкимъ въ своемъ родѣ.

Съ такой стороны смотрѣли и на лубочныя картинки, въ коихъ художество остановилось на той самой степени, на которой стояло въ младенствѣ своемъ. Въ нихъ видѣли только неправильный до уродливости рисунокъ, совершенное отсутствіе перспективы, раскраску, похожую на малеванье, или мазанье, пошлость и грубость въ выраженіяхъ, высокое и величественное, перешедшее въ преувеличенное и чудовищное, забавное и смѣшное въ низко-комическое и балагурное; но незамѣчали смысла и духа въ самомъ содержаніи, идей въ образахъ. Нелѣпость и причудливость вкуса въ произведеніяхъ простонароднаго художества, или лучше сказать, ремесла, могли ли нравиться лю-

⁵ Кантемиръ сатира: «Гнусно не будутъ лежать въ одномъ сверткѣ съ Бовою» «ида Ершомъ.»

Бителамъ изящной живописи—воспитанникамъ Французской школы? Но что для ума предразсудки, то для чувствованія испорченный вкусъ. Вкусъ вѣка и нации имѣетъ свои причуды и странности, уполномоченныя незапамятною давностью. Развѣ Индѣйцы и Китайцы донинѣ не держатся своего народнаго пошиба въ живописи, какой у нихъ существуетъ тысящелѣтія? Да гдѣ же чернь не имѣетъ своихъ особенностей въ проявленіи своихъ мыслей и чувствованій? У нея обычаемъ, если не оправдывается, по крайней мѣрѣ, терпитя гротескъ — нелѣпость въ формахъ, и бюрескъ — странность во мнѣніяхъ и вкусѣ, полагающая ненаглядимые отпечатки на произведенія простонароднаго искусства.

Не думайте, впрочемъ, чтобы простонародныя картинки въ Германіи и Франціи были лучше нашихъ въ художественномъ и умственномъ отношеніи. По замѣчанію одного ученаго изъ Русскихъ путешественника: «видѣнныя имъ на ярмаркѣ въ Сен-Клу Французскія лубочныя картинки ничто предъ нашими Московскаго издѣлія. И тѣ и другія, говоритъ онъ, рѣшительно въ одномъ стилѣ; «но въ Французскихъ нѣтъ той замысловатости, какую находимъ въ нашихъ не потому, что онѣ наши, но потому, что онѣ дѣйствительно лучше Французскихъ.»⁴ Прибавимъ, что въ нашей народной иллюстраціи нѣтъ такихъ развратныхъ книжекъ и картинокъ, какія у Французовъ находятся въ ихъ *litterature de colportage*, на пр: Картина супружеской любви (*Tableau de l'amour conjugal*), коей вышло безчисленное множество изданій и т. д.⁵ Въ Германіи и Англіи, у тамошней черни есть свои лубочныя картинки. Сравните съ Русскими Нѣмецкія изданія простонародныхъ тетрадокъ и книжекъ съ политипажами въ родѣ лубочныхъ: *Iobsiade*, *Rübezahl*, *Geschichte de sieben Schwaben* и пр. — вы найдете въ нихъ разительное сходство съ стариннымъ пошибомъ первыхъ. Заглавія Нѣмецкихъ Азбукъ и Катихизисовъ и теперь еще украшаются изображеніемъ пѣтуха (символа блительности и Петрова раскаянія), какое появилось въ Германіи при первомъ изданіи сихъ учебниковъ для-простаго народа. Недавно въ Англіи Текерей (*Thackeray*) выдалъ прекрасный онытъ изображенія жизни народной въ пошибѣ простонародныхъ картинокъ подъ заглавіемъ: *Peep's Diary by Titmarsh*.

⁴ См. С.-Петербург. Вѣдомости 1859 г. № 177.

⁵ Объ ней говоритъ Ниваръ: *Un détestable livre dont, les villes et les campagnes ont été inondées.*

Какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи, просто-народныя картинки, по своему характеру и пошибу, составляютъ нѣчто отдѣльное и своеобразное въ мірѣ художественномъ, а соединенная съ ними писменность приняла особенный типъ, усвоенный себѣ простолюдымъ. Вызванныя естественною потребностью выражать себя, олицетворяя свои чувствованія и мысли, онѣ проявляютъ народность въ формѣ и предметѣ. Не смотря на свою разобщенность съ движеніемъ мысли, и художественности, онѣ входятъ въ соприкосновеніе съ исторіей Словесности и отечественныхъ художествъ.

Хотя пути науки и народной мысли и расходятся; но есть въ ихъ ходѣ такіе перекрестки, гдѣ они сходятся. Сближеніе жизни народной съ наукою, общечеловѣческаго съ національнымъ встрѣчается не только въ пословицѣ, пѣснѣ и сказкѣ, но и въ лубочныхъ картинахъ простолюдина, кои олицетворяютъ его вѣрованія, знанія и мнѣнія. Съ наукою Лубочная Словесность можетъ имѣть чрезполосное владѣніе, не отдѣленное полюбовнымъ размежеваніемъ. Изъ жизни семейной и общественной вошли въ нее тѣ основныя начала, кои выработаны природнымъ характеромъ Русскаго человѣка, его собственнымъ сознаниемъ, его историческимъ развитіемъ, самобытнымъ воспитаніемъ и дѣятельностію; случайныя же уклоненія отъ такихъ началъ и разныя обстоятельства положили отбѣнки на жизнь, и искусство, какіе найдемъ и у другихъ народовъ. Изъ области наукъ заимствованы Лубочною литературой истины, доступныя уму и близкія сердцу и приспособительныя къ жизни; потому что Русскій человѣкъ усваиваетъ себѣ только то, что находитъ сроднымъ своему духу, характеру и быту. Чужое жь, несродное, ему не по душѣ и не по сердцу; ибо народъ не бездушный камень, на коемъ природа раститъ мохъ, а рука человѣческая можетъ начертать по произволу всякое изображеніе. Между тѣмъ какъ мысль и художественность приняли съ XVIII вѣка ускоренное движеніе, въ простовикахъ гравированія онѣ остались неподвижными; вмѣстѣ съ тѣмъ остаются неподвижными и коренныя начала вѣры и жизни, господствующія въ народѣ. Отставши отъ такого движенія, завѣтная мысль и наследственная художественность составили особенность, какую поддерживала любовь къ старинѣ, укореняла привычка и благоговѣніе къ памяти предковъ. Въ какой сорочкѣ родилась у народа мысль, въ таеой она и обжилась у него. Сколь ни грубъ и даже безобразенъ пошибъ лубочной картинки; но простолюдинъ такъ связанъ съ нами, какъ съ обычнымъ покроемъ своего сѣраго кафтана и съ нагольной шубой

изъ домашней овчины. Такой покроей, сколько бы, съ перваго взгляда, ни казался грубымъ, не отчуждаетъ ни ума, ни человѣчности. но собственному сознанию Русскаго крестьянина въ его пословицахъ: *Кафтанъ лѣтъ стѣръ, а умъ не волкъ съльъ; Шуба овечья, а души челоуечьел.*

Теперь лубочныя картинки достались въ удѣлъ такъ называемой черни, т. е. многочисленнѣйшей и дѣятельнѣйшей части народа. Но было время на Руси, когда сословія еще мало раздѣднялись нравами и обычаями; когда заветныя игры и потѣхи были едва ли не однѣ и тѣже у крестьянина, купца и боярина. Въ это время, какъ увидимъ далѣе, такія картинки имѣли свободный доступъ и въ царскія палаты и въ боярскія хоромы и въ крестьянскія избы; ибо онѣ составляли, выключая развѣ немногихъ, не одну праздную забаву и безысленную потѣху, но наглядное вразумленіе, дѣятельное руководство и поучительные образцы для жизни семейной и общественной, для настоящей и будущей.

Обращаясь ко внѣшности простонародныхъ естамповъ, замѣтимъ, что вообще подъ названіемъ *лубочныхъ* разумѣются не только отдѣльные листы, или гравюры; но и лицевыя тетрадки; тесть въ нихъ дополняется и объясняется представленіемъ въ лицахъ самаго содержанія, тѣмъ самымъ сильнѣе впечатлѣвая его въ умъ, памяти и воображеніи.

При первомъ взглядѣ на такія произведенія доморощеннаго художества, пробуждается вопросъ: почему онѣ сльвуть *лубочными*, когда вырѣзывались сперва на деревянныхъ (Ксилографія), потомъ на металлическихъ доскахъ (Металлографія) и теперь рисуются на каменныхъ (Литографія), а отпечатываются на бумажныхъ листахъ? Поищемъ на это отвѣта въ исторіи, преданіи и жизни народной.

Въ глубокой древности лубъ дерева, т. е. исподняя его кора, считая съ лыпы, вяза и другихъ удобныхъ для рѣзбы и письма деревъ, замѣнялъ недостатокъ бумаги; самое названіе книги у Грековъ *βιβλος*, у Римлянъ *liber* собственно значило *лубъ*; * потому

* Cicero de N. D. 11, 47; Obducebantur libro, aut cortice, trunci, quo sint a frigoribus et a caloribus tutiores. cf. Virgil. eccl. X, 67. Antiqu. Romanae, enacratae a D. D. Fuss, ed. 32 Lipsiae. 1837, in 8. О невѣстной рукописи въ Университетѣ Св. Владимира, П. Н. Кеннеа въ Журналѣ Мин. нар. пр. 1839 г. Октябрь.

что въ частноѣ употребленіи, для письма болѣе служили досочки изъ бѣлыхъ деревь. Такъ и въ древности на Руси, по рѣдкости и дороговизнѣ пергамена, бомбицины и бумаги, писывали на берестѣ и лубѣ. Св. Іосифъ Волоколамскій свидѣтельствуетъ намъ, что въ обители Препод. Сергія, по скудости средствъ, писывали служебныя книги не на хартіяхъ, т. е. не на пергаментѣ, но на берестѣхъ ⁷. Миллеръ изъ Сибири вывезъ писанные на берестѣ документы.

Изъ Псковской правой грамоты 1483 года обнаруживается, что на лубъ чертили планы землямъ: «И Княжій бояринъ Михайло, да «Климентя соцкой тое воды досмотрѣли, да на лубъ выписали и «передъ осподою положили, да и велись бы по лубу,» т. е. межевались бы по лубочному плану. ⁸ Другой примѣръ встрѣчаемъ въ лѣтописи: въ 1577 году *Государскіе лубы* изъ покореннаго Новгородъ «рода отвезены были къ Царю въ Москву» ⁹ Даже въ концѣ XVII столѣтія, какъ значится въ указѣ 1697 года, лубъ замѣнилъ бумагу; ибо пасквильныя письма, прибитыя къ городскимъ воротамъ, въ Москвѣ, тогда писаны были на лубкахъ.

Скажутъ: на лубкѣ можно писать, а нельзя вырѣзывать естамповъ. Но слово это принято употребленіемъ не въ собственномъ смыслѣ, а въ напряженномъ, переносномъ. Липовыя доски, употребляемыя для рѣзбы, по удобству самаго дерева, по природѣ своей, мягкаго, бѣлаго и неструстаго, называются также *лубами*, какъ и самая липа въ Рязанской Губерніи донинѣ слыветъ *лубомъ*. На такихъ-то доскахъ въ Москвѣ вырѣзывались обронно разныя картинки сначала духовнаго и историческаго, потомъ уже и разнаго содержанія, и отпечатывались на бумажныхъ листахъ. Древній обращикъ этой ксилографіи, хранившійся у Президента Спб. Академіи художествъ А. Н. Оленина, сообщенъ намъ въ точномъ снимкѣ Академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ: это отломокъ отъ луба толщиной $\frac{1}{4}$ аршина: на немъ обронно вырѣзано изображеніе какаго то князя, вѣроятно, (святаго), котораго видна только одежда съ длинными спущенными рукавами. Нѣсколько липовыхъ досокъ, по видимому, XVII и XVIII вѣковъ, съ вырѣзанными на нихъ обронными изображеніями, находилось въ Московскомъ древлехранилищѣ Г. Погодина. Образное письмо предшествовало буквенному.

⁷ Преп. Іосифа Савина духовное правило, гл 19.

⁸ Юридическіе акты, стр. 3.

⁹ Въ Собраніи Росс. лѣтописей 1 Новгородская лѣтопись. 174.

До изобрѣтенія печатанія подвижными буквами, оттиснута рѣзанными на деревянныхъ доскахъ къ Западной Европѣ *Библия для бѣдныхъ* (*Biblia pauperum*, *Bible des pauvres*) съ естампами грубой работы.¹⁰ Подражали этому и у насъ въ Россіи, какъ увидимъ далѣе. Хотя въ послѣдствіи ксилографія уступила мѣсто металлографіи и литографіи, деревянные доски замѣнились металлическими и камнями; но названіе *лубочныхъ* усвоилось и гравированнымъ на мѣди картинкамъ тогоже пошиба, между тѣмъ, какъ оно собственно принадлежитъ только естампамъ, рѣзаннымъ у насъ на деревѣ. Етому соответствовало между прочимъ и то, что простонародныя картинки развѣшивались на лубкахъ для продажи и выставлялись при лубочныхъ комедіяхъ. Мѣстное преданіе на Москвѣ говоритъ, будто лубочныя картинны, или такъ называемыя листы одолжены своимъ прозвищемъ улицѣ Лубянкѣ. Тамъ будто онѣ вырѣзывались на лубкахъ и печатались въ станкахъ печатниками, т. е. типографщиками въ Печатной слободѣ, бывшей у Срѣтенскихъ воротъ Бѣлаго города, а выставлялись на деревянной оградѣ церкви св. Троицы у Срѣтенскихъ воротъ Землянаго города (Сухаревой башни), на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ у ограды щепетильныя лавочки. За подлинное неизвѣстно, когда именно началась здѣсь такая выставка листовъ; но уже въ 1782 году урочище церкви слыло на *Листахъ*, какъ видно изъ подписи священника этой церкви Михаила Кубарева на сохранившейся ея лѣтописи.¹¹ Прихожане сего храма старожилы¹² помнятъ еще такую

¹⁰ Histoire des livres populaires, ou de la littérature de colportage, par M. C. Nisard. Paris. 1844, t. III, p. 29.

¹¹ Въ обоюдномъ названіи этого урочища совмѣщаются равныя значенія слова *листы*, кои даютъ поводъ къ болѣе или менѣе вѣроатному объясненію урочища, по отношенію въ самой церкви, именно: ¹) *листы* значатъ древесныя листы, постилаемые въ храмѣ на праздникъ Пятидесятницы. Въ уставѣ соборномъ и приходныхъ книгахъ XVII вѣка читаемъ, «что за вечерней въ Троицынъ день постилали въ соборѣ *листы* — «Царь лежалъ на *листу*»; ²) Стрѣльцы, строившіе ету церковь, за кирпичъ, вѣзтый изъ казны, дали Царю платежную память, а Царь пожаловалъ имъ за ихъ подвиги. А какъ всякаго рода актовыя бумаги въ старину вообще назывались *лестами*, то изъ этого не безъ основанія выводится, что и церковь сооружена какъ бы на *листахъ* и ³) наконецъ къ етому присоединяется продажа здѣсь у ограды въ концѣ XVIII столѣтія *листовъ*, т. е. лубочныхъ картинъ. см. «Церковь Св. Троицы на листахъ въ Москвѣ, описан. И. Снегиревымъ, М. 1832 г. въ 12.»

¹² Между прочимъ по свидѣтельству причетника, служащаго при этой церкви болѣе 50 лѣтъ И. Петрова.

выставку до построения каменной ограды; по ихъ свидѣтельству, первая прекратилась не ранѣе 1805, или 1806 г. Какъ бы то ни было; но подобныя обстоятельства, взятые въ совокупности, легко могли дать поводъ къ названію престопадныхъ картинокъ *лубочными*, такъ что и другіе естанныя плохой работы обывковенно слывуть лубочными. Листы сіи также извѣстны подъ именемъ *Суздальскихъ*, не по производству ихъ въ Суздаль, но по разнощикамъ ихъ Суздалямъ и по самому пошибу, близкому къ суздальскому иконному. Въ Сибири они извѣстны подъ названіемъ *Панковъ*, а въ Осташковѣ *Богатырей*, безъ сомнѣнія, потому, что представляютъ государей, военачальниковъ, героевъ и знаменитыхъ особъ.

По своему происхожденію, лубочныя картинки или *отечественныя*, или *заимствованныя* у чужестранцевъ. Древнѣйшія изъ первыхъ, какъ увидимъ, были преимущественно духовно-религіознаго содержанія, какое и донинѣ, по большей части, усваиваютъ себѣ лубочныя картинки. Иностранцы пользовались и этимъ средствомъ для распространенія своихъ религіозныхъ мнѣній и вѣрованій въ Русскомъ мірѣ; они доставляли въ Москву Нѣмецкіе печатные листы, изображавшіе Спасителя І. Христа, Богородицу, небесныя силы и святыхъ угодниковъ Божіихъ. Такія изображенія, по свидѣтельству Патріарха Московскаго Іоакима, «никакого подобія первообразныхъ лицъ не являли своимъ неискусствомъ, но представлялись неистово и неправо, на подобіе лицъ своестранныхъ и въ *своестранныхъ едеждахъ Нѣмецкихъ*.¹⁵ Патріархъ етотъ въ 1674 г. запретилъ и «покупать такіе листы, кои печатали Нѣмцы еретики, лютеры и кальвинны, по своему проклятому мнѣнію.» Не смотря на это, иностранныя образчики не остались у насъ безъ подражанія, какъ видно изъ сенодальнаго указа 1721 года, марта 20: появились тогда въ Москвѣ изображенія Святыхъ, несогласныя съ преданіемъ Церкви и съ подлинниками, или персональниками иконописцевъ, предосудительныя уже и по тому, что достойно покланяемые и чествуемые лики Святыхъ установлено православною Церковію писать на доскахъ, а не печатать на бумажныхъ листахъ.¹⁶ Печатные же допускались духовнымъ начальствомъ не иначе, какъ только *для пригожства а а не для почитанія*; ими, замѣчаетъ Патріархъ Іоакимъ, «украшались

¹⁵ Акты Археографіи Экспедиціи. IV, № 200.

¹⁶ Histoire der livres populaires, par Nisard.

«храмины, избы, кѣлѣти и сѣни.» Изъ описи имущества духовныхъ особъ въ дѣлахъ Синодальнаго приказа въ половинѣ XVIII вѣка значитъ, что въ крестовыхъ и сѣняхъ у духовныхъ властей на стѣнахъ наклеены были лубочныя картинки: Исторія въ лицахъ Блуднаго сына, Страшный судъ и другія назидательныя изображенія. Указъ 1721 г. марта 20 запрещаетъ выставлять «на продажу на Спасскомъ мосту и въ «другихъ мѣстахъ Москвы сочиненныя разныхъ чиновъ людьми служ-«бы и каноны, равно и естампы (листы), печатанныя своевольно «кромѣ типографіи.» Подражанія западнымъ картинкамъ религіознаго содержанія находимъ въ изданіяхъ XVII и XVIII вѣковъ *Священной Исторіи, Апокалипсиса, Притчи о Блудномъ сынѣ, Избіенія младенцевъ Иродомъ, Истиннаго начертанія беззаконнаго суда на Христа отъ Иудей произнесеннаго*, наконецъ въ извѣстномъ въ Европѣ съ XIV вѣка памятникѣ ксилографіи, Speculum, въ нашемъ отечественномъ изданіи *Зерцало грѣшнаго* и пр.

Появившіеся на Москвѣ около половины XVII вѣка *Нѣмецкіе потѣшныя печатные листы*—картинки забавнаго содержанія, продавались вмѣстѣ съ печатными книгами, рукописями, писчею бумагой, молотковыми и простыми картами въ Овощномъ ряду, потомъ на Спасскомъ мосту—этою старинномъ приютѣ въ Москвѣ пѣвцовъ Лазаря и Алексія Божія челоувѣка, также бахарей, т. е. сказочниковъ, имѣвшихъ доступъ въ царскія палаты, наконецъ книжниковъ, или книгопродавцевъ, торговавшихъ тамъ на хорахъ лавокъ.¹⁵ Изъ приходно-расходныхъ книгъ Оружейной Палаты 1634 года видимъ, что Іюня 16 «дано торговымъ людямъ Овощнаго ряду за Нѣмецкія за «печатные листы 20 алтынъ, а взяли тѣ листы изъ Государевы ма-«стерскія палаты въ хоромы Государю Царевичу, князю *Олексию «Михайловичу*, да Государынямъ Царевнамъ бояринъ Борисъ Ивано-«вичъ Морозовъ, да околничій Василій Ивановичъ Стрѣшневъ.» По-«томъ въ 1637 году, марта 8, «дано Овощнаго ряду торговому чело-«увѣку Ондрюшкѣ Петрову за 9 листовъ потѣшныхъ 8 алтынъ и двѣ «денги; а листы принимала крайчя Соломонида Мезецкая.» Такіе жъ листы покупались тамъ и для Царевича Петра Алексѣевича. *Нѣмецкими* они назывались по ихъ происхожденію, а *потѣшными* по забавному и занимательному ихъ содержанію. Способъ учить картинами входилъ въ область стариннаго воспитанія. Наставникъ Царя

¹⁵ Государевы мастерскія полаты книги приходно—расходныя. 7142 и 3 г. № 761; 7145 г. № 959.

Алексѣя Михайловича Морозовъ училъ его посредствомъ гравированныхъ въ Германіи картинокъ, изображающихъ разные достопамятные предметы въ мірѣ, какъ доказываетъ собраніе такихъ гравюръ, принадлежавшее Морозову и хранящееся у П. А. Муханова. Учитель Петра великаго Зотовъ, названный имъ въ шутку *Княземъ Папою, Патриархомъ Пресбургскимъ, Запущь и всего Кукуя*, т. е. Нѣмецкой слободы,¹⁶ для впечатлѣнія въ памяти своего питомца важнѣйшихъ предметовъ изъ Географіи и Исторіи, велѣлъ наклеить на стѣнахъ учебной его комнаты виды знатнѣйшихъ городовъ Европы и изображенія разныхъ достопамятностей въ свѣтѣ.¹⁷ Той же методы держались при обученіи Царевича Алексѣя Петровича: ему представлены были въ аллегорическихъ фигурахъ разныя науки подъ заглавіемъ *Градъ царства небеснаго*.

Бывшій въ Москвѣ, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Англичанинъ Самуилъ Коллинсъ видѣлъ тамъ Голландскія простонародныя каррикатуры на Англичанъ, кои очевидно принадлежали къ Нѣмецкимъ потѣшнымъ листамъ. Онъ, говоритъ Англійскій туристъ, «изображали Англію въ видѣ безхвостаго льва съ тремя опрокинутымъ «коронами и множество большихъ собакъ съ обрѣзанными ушами и «хвостами.» «Такихъ неприличныхъ картинъ, замѣчаетъ Коллинсъ, «было много; онѣ производили большое дѣйствие въ народѣ варварскомъ.»¹⁸ Нѣмецкіе потѣшныя листы содержали въ себѣ не однѣ каррикатуры, но и предметы вообще занимательные. Если бы сличить Русскія балагурныя и сатирическія картинки съ старинными Голландскими, Нѣмецкими¹⁹ и Польскими въ етомъ же родѣ: то, вѣроятно, нѣкоторыя изъ первыхъ, почитаемыя за отечественныя, оказались бы иноземными, по своему происхожденію, и наоборотъ. Въ Нирембергѣ Графъ А. С. Уваровъ нашелъ у одного Доктора значительное собраніе старинныхъ простонародныхъ картинокъ,

¹⁶ Исторія царствованія Петра Великаго, Н. Устрялова. Спб. 1838 г. т. II. пр. 24.

¹⁷ Записки Русскихъ людей. Спб. 1838, въ 8.

¹⁸ The present state of Russia, in a letter to a friend at London., by Sam. Collins. London. 1671, in 8, ch. XXIV.

¹⁹ Недавно вышла въ Германіи книга: Bibliothek der ältern deutschen Volks-Wunder-Curiositäten u. vorzugweise komischen Literatur zur Kultur u. Sittengeschichte in Wort u. Bild, 14 B.